

РЯБИНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ
2007

Государственный историко-архитектурный и этнографический
музей-заповедник «Кижь»

РЯБИННИНСКИЕ ЧТЕНИЯ-2007

Материалы V научной конференции по изучению
народной культуры Русского Севера

Петрозаводск
2007

1576101

Редколлегия:

**Т.Г. Иванова (отв. ред.), Т.И. Вахрамеева, С.В. Воробьева, В.П. Кузнецова,
К.К. Логинов, С.М. Лойтер, И.В. Мельников, Л.П. Михайлова,
И.И. Муллонен, В.П. Орфинский, А.М. Пашков, А.В. Пигин**

В сборнике публикуются материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения-2007» (Петрозаводск, 17–21 сентября 2007 г.).

Тема – «Традиционная культура Русского Севера: история и современность».

Организатором конференции является Государственный музей-заповедник «Кижи».

1576101

ISBN 5-9274-0103-1

© Федеральное государственное учреждение культуры
«Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник “Кижи”», 2007

И. И. МУЛЛОНЕН, Н. Л. ШИБАНОВА (Петрозаводск)

ЗАОНЕЖЬЕ КАК ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ ТОПОНИМНЫХ АРЕАЛОВ КАРЕЛИИ*

Пространственное распределение географических названий в виде топонимных ареалов, их противостояния, границ всегда находилось в сфере интересов топонимики. Внимание привлекало также формирование и бытование локальных топонимических систем, привязанных к конкретной микротерритории, например отдельному поселению или группе поселений. Понятно, что пространственная характеристика существенна не только для анализа самих топонимических систем. Она может быть использована для извлечения существенной историко-культурной и языковой информации, особенно с учетом значительной устойчивости топонимов во времени.

В Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН начаты работы по созданию Топонимического атласа Карелии, в ходе которых планируется создать набор карт, демонстрирующих распространение отдельных топонимических моделей. Составители любого языкового атласа знают о том, что далеко не каждую языковую единицу или языковую модель есть смысл картографировать, ибо полученный ареал не несет специальной нагрузки. Это относится в полной мере и к картографированию топонимических моделей. В Заонежье есть огромное количество топонимических моделей, по отношению к которым ареализация не имеет особого смысла. Они, безусловно, обладают своим ареалом, однако границы его могут совпадать с границами общезыкового ареала или приближаться к нему. Есть топонимы, полностью совпадающие с породившими их апеллятивами. Для картографирования интерес представляют модели с локальным ареалом, а также ареальные оппозиции.

Для понимания условий формирования топонимических ареалов принципиально важно то, что топонимы рождаются по определенным моделям, обусловленным хронологически и географически. В ходе освоения новых территорий используются модели, принесенные с материнской территории.

Последнее обстоятельство важно для Заонежья, служившего на протяжении всего второго тысячелетия узловым пунктом, который связывал водные пути, шедшие с юга на север и с запада на восток и приносившие новые потоки населения на полуостров. С населением приходили и новые топонимические модели. В контексте целого ряда топонимических ареалов Карелии Заонежье может быть охарактеризовано как «проходная» территория. Это относится к моделям с новгородскими корнями, накладывающимися на тот путь, вдоль которого происходило продвижение на север. Убедительный пример – топонимы с основой *острец-/остреч-* ‘окунь’, известным в этом значении в говорах Олонецкой губернии¹, а также в новгородских говорах². Топонимы данной модели (р. *Остречина*, оз. *Остречье*, луда *Острецкая* и др.) выстраиваются в ареал, который тянется по транзитному водно-волоковому пути из Присвирья в Обонежье и далее на Поморский берег Белого моря. В Заонежье четыре топонима, все в бывшей Толвуйской волости: д. *Остречьево* или *Остречевская* на берегу *Остречевского* (или *Бездонного*) озера, по которому, безусловно, и названа деревня, здесь же поляна *Остречица*, а также луда *Остречье* на Падмозере у д. Белохино. Судя по ареалу модели, она пришла в Заонежье вдоль западного Обонежья и далее того водно-волокового пути, который пересекал Заонежский полуостров в его северной части с запада на восток и сейчас известен под названием Олонецкого зеймника.

Этот путь отмечен и некоторыми другими дифференцирующими русскими (псковско-новгородскими) топонимическими моделями, среди которых большой верифицирующей силой обладают суффиксальные речные наименования. Ареальный анализ показал, что налицо дистрибуция двух моделей речных наименований: названия рек с формантом *-ина* (*Ивина*, *Важина*, *Неглинка*, *Остречина*, *Чебина* и др.) преобладают вдоль западного побережья Онежского озера, а с формантом *-ица* (*Шалица*, *Тамбица*, *Возрица*) – вдоль восточного (рис. 1). Это противостояние не ограничивается северным Обонежьем. Оно носит довольно четкий характер в Присвирье и юго-западном Обонежье: *-ина* господствует в Присвирье, в то время как *-ица* обходит Присвирье с юга и востока. За этой ареальной дистрибуцией стоят, очевидно, несколько разные потоки восточнославянского населения. Данный ареальный контекст важен и для того, чтобы высветить тяготение восточной части Заонежского полуострова к восточному Обонежью. Картографирование модели с конечным *-ица* показывает, что она проникла в Заонежье через Заонежский залив, служивший одним из важных путей продвижения на север восточнославянского населения, распространявшегося в обход Присвирья, вдоль восточного берега

© И. И. Муллонен, Н. Л. Шибанова, 2007

* Статья подготовлена в рамках выполнения программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект «Топонимический атлас Карелии»).

¹ Словарь русских народных говоров. Л., 1989. Вып. 24. С. 78

² Новгородский областной словарь. Новгород, 1994. Вып. 7. С. 31.

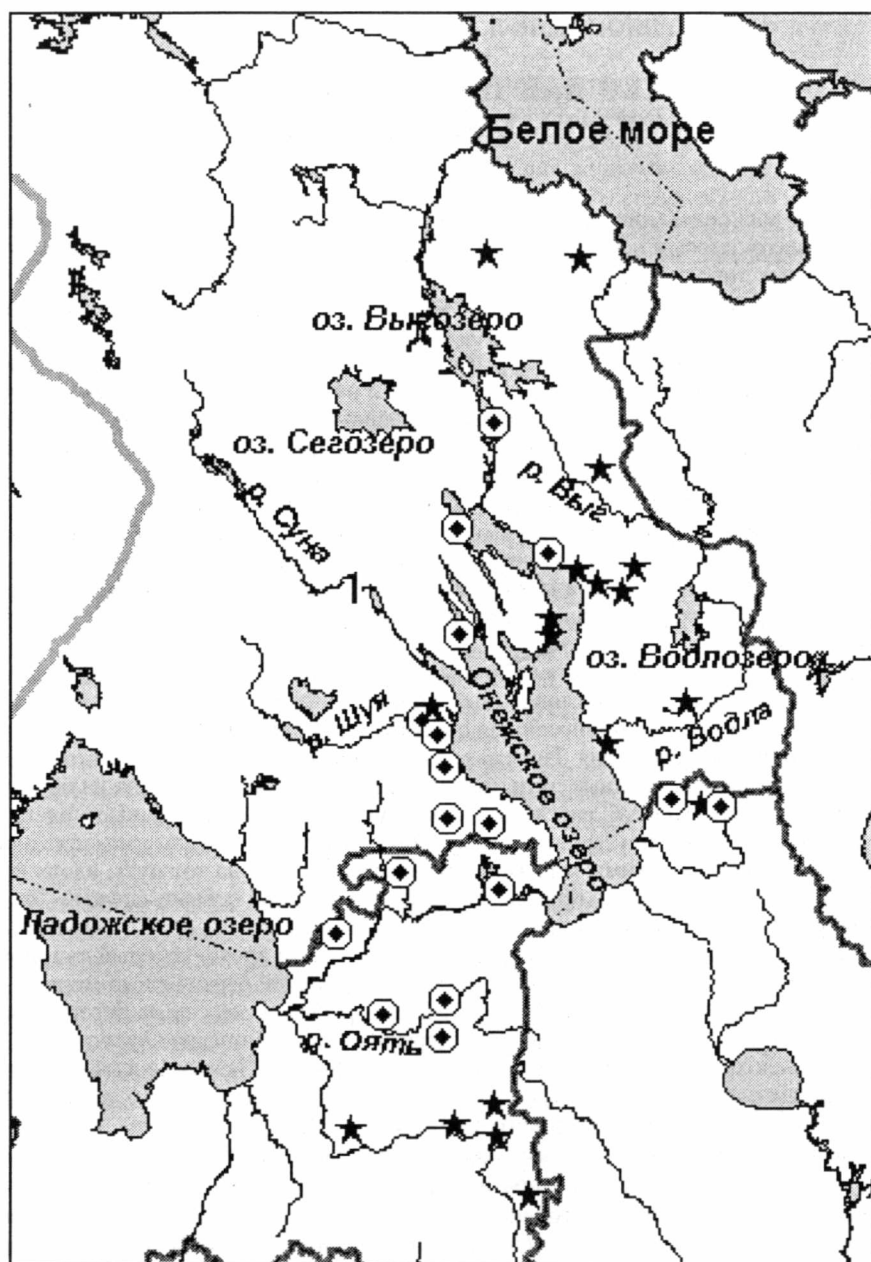

Рис. 1. Ареальная дистрибуция речных наименований с формантами *-ина* и *-ица*

Онежского озера. Несколько речных наименований с конечным *-ица* (*Тамбица*, *Нулица*) закрепились в юго-восточном углу Заонежского полуострова, на остальной территории полуострова модель неизвестна. Данный факт оказывается существенным в контексте деления русских говоров Заонежья на западные и восточные, известном еще со времен А. А. Шахматова, но не получившем убедительного объяснения. Он подтверждает факт существования двух магистральных водных путей в освоении Заонежского полуострова, которые и сформировали здесь две языковые, по некоторым данным, и культурные зоны³.

Представленные выше гидронимные модели сформировались далеко за юго-западными пределами Заонежья, в ходе продвижения на север оба речных форманта приобрели функцию «адаптера» иноязычного топонима к русской системе называния. Заонежье может квалифицироваться как периферия с позиций восточнославянского бытования моделей, однако в контексте территории Карелии – как один из этапов продвижения моделей на север, в Поморье.

³ См. подробнее: Муллонен И. И. Об одной диалектной границе в Заонежье // Кижский вестник. Петрозаводск, 2005. Вып. 10. С. 208–215.

На карте топонимных ареалов с карельскими истоками Заонежье занимает, как правило, окраинное восточное положение. При этом, однако, существенно то, что количество топонимов с карельскими истоками в Заонежье довольно велико (не менее сотни типовых топооснов), что свидетельствует в пользу активного карельского прошлого полуострова. Некоторые из них были проанализированы, в том числе в ареальном аспекте, во время прошлых «Рябининских чтений»⁴. Предложенная ниже карельская модель интересна не только в ареальном плане, но и в смысле семантики основы, несущей существенное историко-культурное содержание. Итак, в говорах северного Приладожья и Беломорской Карелии бытует апеллятив *guhjä* с семантикой 'группа домов', а также 'центральная деревня'. Слово закрепилось и в топонимии (рис. 2), при этом в целом ряде случаев *Ryhjä* функционирует в качестве названий центральной деревни куста поселений⁵. В западной части Заонежского полуострова известно урочище *Рюга* (Вигово Велик.). Фонетически *guhjä* и *Рюга* соотносятся как *pohja* 'дно; конец' и -пога, ср. *Лакто/нога* (Хашезеро Дериг.) < **Lahden/pohja* 'конец залива'. Заонежская *Рюга* – это мыс на западном берегу Виговской губы, разделенный на две части (*Большая* и *Малая Рюга*) Пижейручем. Вплоть до недавнего времени на Рюге были поля. Хотя никаких прямых сведений о том, что здесь в прошлом располагалось поселение, нет, однако некоторые косвенные данные позволяют реконструировать его. Среди них наиболее показательна хорошо разработанная топонимия окрестностей Рюги, свидетельствующая о том, что место было освоено и активно использовалось в хозяйственной деятельности. Достаточно отметить, что упоминавшийся уже Пижейручей, впадающий в Виговскую губу в Рюге, имеет второе название – *Мельничная река*, а расположенные в низовьях ручья поляны на карте 1868 г. известны под названием *При мельнице* (Российский государственный исторический архив, ф. 380, оп. 17, № 533, планшет 61). Ландшафтно-географическая характеристика урочища Рюга (озерный мыс, в основании которого впадает небольшая река, плодородная почва) также говорит в пользу того, что здесь могла размещаться в прошлом деревня. Карельские истоки ее названия поддерживаются и рядом других топонимов карельского происхождения в окрестностях Рюги, ср. *Пырейгуба* (рега 'задний, расположенный сзади'), *Калейгуба* (кал'го 'скала'), *Пейнаволок* (возможно, *päivä* 'день' с семантикой 'юг': мыс находится к югу от Рюги), *Кивисельга* (*kivi* 'камень'), *Коткостров* (*kuotkuo* 'мыс, перешеек': остров разделен глубоким заливом на две части) и др. Семантика 'центральная деревня', присущая карельскому термину *guhjä*, на основании имеющихся фактов не доказывается, хотя не исключено, что ее наследием является пара *Большая Рюга* – *Малая Рюга*. Имеется в виду, что одна из них была первоначально центральной, основной деревней по отношению к другой.

Центр ареала, судя по плотности фиксаций топонима, располагался в северо-западном Приладожье, откуда модель проникла на восток по рекам Шуге и Суне, достигнув Заонежья. Данный ареал повторяют ареалы многих других моделей с карельскими истоками, для которых Заонежский полуостров явился периферийной территорией.

В ходе анализа топонимных ареалов особое внимание привлекают локальные замкнутые ареалы, не выходящие за пределы Заонежья. За ними стоят некие локальные особенности культуры, обусловленные хронологически, этнически, географически. В Заонежье неоднократно отразился топоним *Переходы*, маркирующий лесные тропы, проходившие через леса и болота. Таковы местечко *Переходы* у тропы, ведущей из д. Шоглово в д. Пургинино через Шогловское болото (Косм.); *Переходы* между двумя болотами на пути из д. Вигово к берегу Онежского озера (Велик.); урочище *Переходы* в центральном Заонежье между деревнями Поля и Холмы по лесной тропе, позволяющей значительно сократить путь (Типин.); поляна *Переходы* на юг от Пегремы, в месте, где начинался сухопутный участок пути к деревне напрямик через лес (Велик.); урочище *Переходы* (Яндом.); поляна *Переходы* и рядом скала *Переходская Щельга* (Кургеницы Киж.), перекресток дорог *Переходы* (Люмбогуба Кузар.), *Переходный бор* (Тявзия Фоймог.) и др. Мотив названия хорошо ощущается информантами, что можно рассматривать как свидетельство использования данных троп вплоть до недавнего прошлого. При этом соответствующий апеллятив (*переход), видимо, не был распространен в Заонежье, на что указывает отсутствие его в СРГК. Модель известна на большей части Заонежского полуострова, за исключением его северной окраины – Шунги, Кажмы и Толвуи. На остальной территории русского Обонежья модель непродуктивна. Что стоит за этой ареальной характеристикой? В качестве предположения нельзя исключать воздействие семантически равнозначных прибалтийско-финских топооснов *Taibal* и *Matka* 'путь; переход (напр., из одной деревни в другую по глухой лесистой местности)'. Они продуктивны на смежной с Заонежьем людиковской и собственно карельской территории, известны в качестве субстратных основ и в самом Заонежье. Формирование локального Заонежского ареала может, таким образом, быть спровоцировано субстратным карельским воздействием.

В юго-восточном углу Заонежского полуострова, в окрестностях старинного с. Великая Губа и его округе зафиксировано несколько топонимов *Синий камень*. В остальном Заонежье модель неизвестна, как не зафиксирована она и за пределами Заонежья в Обонежье. Правда, на топонимической карте России модель присутствует в других, более отдаленных местах. Их принято считать индикатором мерянской топонимии, поскольку наиболее значительное количество *синих камней* выявлено в местах бывшего расселения мери – на

⁴ Кузьмин Д. В. Карельский след в топонимии Заонежья // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Петрозаводск, 2003. С. 303–307.

⁵ Он же. Ареальная дистрибуция топонимных моделей Беломорской Карелии // Бубриховские чтения. Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры. Петрозаводск, 2002. С. 145.

Ярославщине, а также верховьях р. Ваги. Исследователи обращают внимание на сакральный характер объектов с названием *Синий камень*⁶. Определенный отголосок мифологических представлений связан и по крайней мере с одним из заонежских *синих камней*, около которого «чудилось».

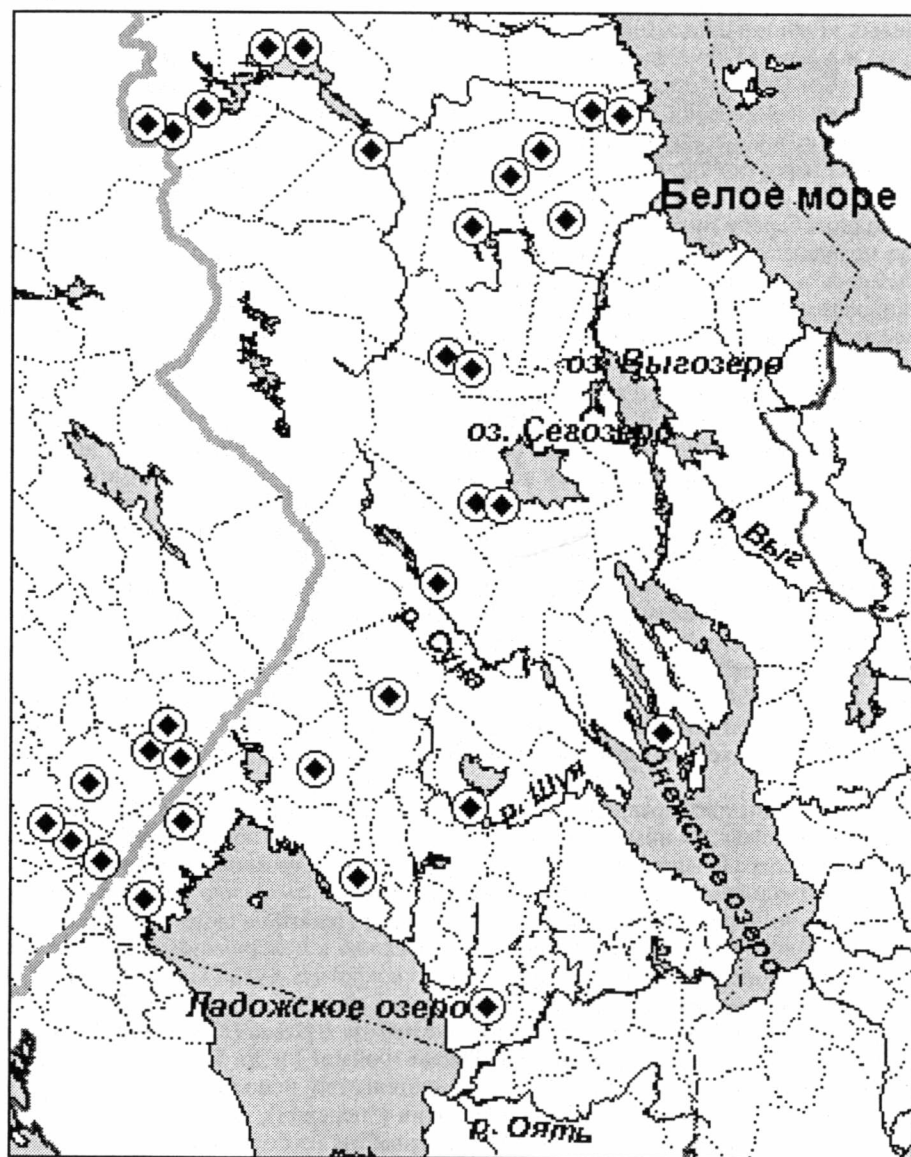

Рис. 2. Ареал карельской топонимной модели Ryhjä

Анализ расположения *синих камней* на местности показывает, что по крайней мере часть из них привязана к границам. В этой связи интересно замечание (сделанное, правда, вскользь) о том, что для многих *синих камней* Ярославского края тоже свойственна функция «обозначения какой-либо границы»⁷. Мысль о *синих камнях* как пограничных знаках находит подтверждение в историческом документе – описании границ Шунгского погоста XVI в., где упомянуты два пограничных *синих камня*: один в Святухе «в страдных островах меж островами камень синь выше воды», другой на восточном берегу Космозера, где «синей камень на берегу ... стоит выше воды»⁸. Второй из этих *синих камней*, расположенный у бывшей д. Ганжак Космозерской волости, зафиксирован и в наших полевых материалах. Кроме этих двух камней в нашей картотеке по заонеж-

⁶ Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 16; Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000. С. 437–438.

⁷ Алквист А. Загадочные камни Ярославского края // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum Jyväskylä 10. – 15. 8. 1995. Pars 7: Litteratura. Archaeologia. Anthropologia. Jyväskylä, 1996. С. 247.

⁸ Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков. Из истории сельских поселений. М., 1962. С. 176.

ской топонимии есть упоминания еще о пяти *синих камнях*, два из которых, привязанные к старым границам, могут квалифицироваться как пограничные. Они маркируют традиционную границу Великогубской и Яндомозерской волостей: один на южном, другой на северном участке границы. Три других *синих камня* не имеют такой откровенной пограничной привязки, хотя *синий камень*, известный в д. Усть-Река Великогубской волости, располагается на поле с названием *Обод*, в котором заключена идея границы. Картографирование заонежских *Ободов* показало, что в подавляющем большинстве случаев они находились либо на границе деревенских полей и отделяли их от леса и лесных полян, либо отграничивали от леса или угодий соседней деревни свои владения. Устрецкий *Обод* с *Синим камнем* служил южной границей устрецких земель и отделял их от владений старого Вегорукского погоста. В свою очередь поляна *Синий камень*, расположенная у северо-западной оконечности Виговской губы, помечала начало волокового пути, пересекающего полуостров, глубоко вдающийся в Онежское озеро.

Каковы семантическое наполнение топонима *Синий камень* и его этнокультурная интерпретация с учетом возможной привязки его к границам? Почему именно *Синий камень* часто маркирует границу? Вообще камень издревле являлся пограничным знаком, о чем свидетельствуют многочисленные документы межевания разного уровня. Что же касается синего камня, то это устойчивый образ мифологического пространства. Он неоднократно фиксируется на Севере, к примеру, в заговорной традиции, и не только в устойчивой формуле «на синем море синий камень»⁹, но и в других ситуациях. «Синий камень тебе в рот», – говорят человеку, если хотят, чтобы он перестал ругаться (из полевых записей К. К. Логинова. Научный архив КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 6, д. 627, л. 91, 2002). Для нейтрализации яда при укусе змеи предлагается запрыгнуть на синий камень (устное сообщение К. К. Логинова). Синие камни являются локусом-эмблемой водяного, что позволяет видеть за ними «первые островки земли, вырастающие из первобытного хаоса»¹⁰. Не несут ли и пограничные *синие камни* такой идеи упорядочения пространства, выделения своей, освоенной территории и отделения ее от чужой, непознанной? Наиболее плодотворным для поисков истоков пограничной семантики *синих камней* является, видимо, то обстоятельство, что в культурах некоторых северных народов синий цвет является цветом иного мира, с синим цветом связаны такие понятия, как потусторонность, даль, смерть¹¹. В этом контексте использование его как маркера границы понятно. Остается, однако, загадкой ареальная характеристика модели. Что стоит за этим локальным ареалом и как он согласуется с традиционными представлениями о возможных мерянских истоках модели, пока не вполне ясно.

Подводя итог, отметим, что ареалы топонимных моделей отражают этапы этноязыковой истории Заонежья, подтверждая вхождение его в качестве одного из важных этапов в исторический транзитный путь из Новгородской округи в Беломорье, а также связи Заонежья с карельским северным Приладожьем. Неоднородность Заонежья в культурно-историческом плане проявляется в ареальной оппозиции топонимных моделей, а также их локализации на отдельных замкнутых участках полуострова¹².

⁹ Русские заговоры Карелии / Составитель Т. В. Курец. Петрозаводск, 2000. С. 74.

¹⁰ Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза. Истоки и полисемантизм образов. Т. 1: Былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-«хозяевах». СПб., 2001. С. 509.

¹¹ Уляшев О. И. Цвет в представлениях и фольклоре коми. Сыктывкар, 1999.

¹² Ср., к примеру, строгую привязку модели *Денник* к северному Заонежью (Муллонен И. И., Ляля Е. В. Геоинформационная аналитическая система «Топонимия Заонежья» // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 86–96).